

Аллен Холдер

Воображаемое прошлое

Отражение нашей истории в современной американской литературе

В своей книге о рабстве, опубликованной в 1959 году, Стэнли Элкинс писал: «Это проблема, вызывающая болезненную чувствительность во всех своих аспектах... То, как человек смотрит на рабство негров с исторической стороны, очень важно для определения его места в современном мире; это определяет его моральную позицию по целому ряду актуальнейших политических, социальных и философских вопросов, так или иначе связанных с рабством». Эта «болезненная чувствительность», о которой говорил Элкинс, сильна сейчас, как никогда прежде. Она с особой силой проявилась в откликах на роман-бестселлер Уильяма Стайрона «Признания Ната Тернера» (1967), описывающий восстание негров в Виргинии в 1831 году под предводительством Тернера. Появившись во время невиданной прежде негритянской воинственности, посвященный самому знаменитому восстанию рабов в нашей истории, ставшему легендой, книга Стайрона привлекла к себе всеобщее внимание и стала предметом критического обзора, которого редко удостоиваются исторические романы.

Центральным вопросом статей и ревью, посвященных книге, стал вопрос достоверности изображения прошлого. Мнения историков по этому вопросу варьируются от утверждения К. Ван Вудвода, считающего, что книга «отличается уважением истории, верным чувством эпохи, глубоким и точным воспроизведением места и времени», до обвинений в крупных нарушениях исторических данных, составляющих суть оценки романа Тербертом Аптекером. Некоторые сходятся на том, что роман не следует оценивать с точки зрения его исторической достоверности, что это покушение на автономию художественного произведения, на прерогативы литературного воображения. Ричард Гилмен, например, сказал, что «литература не имеет ничего общего с историей, кроме права черпать из нее свои темы в той же степени, в которой она вольна черпать темы из других сфер бытия». Однако книга, безусловно, связана с историей в сознании Стайрона (он назвал ее «размышлением над историей»), и так же неизбежно будет связана с историей в сознании читателя; эту взаимосвязь не дано перечеркнуть даже Гилмену, который, кстати, анализируя образ Ната Тернера в романе, отмечает, что Стайрон, в понимании читателей, пишет не о любом негре, но о Нате Тернере, рабе, о человеке, который вошел в наше сознание как раб и предводитель восстания рабов. Очень точно сказано: Стайрон взял своего раба не из ниоткуда, но из исторических фактов. Выбрав эту фигуру для своего романа, Стайрон, по существу, ограничил свою писательскую свободу. Правда, он сказал, что «красота» восстания Тернера заключается в том, что о нем так мало известно, и что обилие исторических документов снижает ценность исторического события как предмета художественной литературы. Но он также говорил о том, что «воображение должно иметь чувство ответственности», и о выводах, которые он сделал из изучения первичного исторического документа, — опубликованных признаний, которые

Тернер якобы сделал в тюрьме в ожидании процесса своему адвокату Т. Р. Грею. В своей вступительной статье к роману Стайрон пишет о своем намерении «воссоздать человека и его эпоху» и использует в тексте романа куски из подлинных признаний Тернера. Ясно, что писателем руководил и импульс историка, и неправильно было бы воспринимать вопрос исторической достоверности романа как не относящийся к делу, неправильно было бы не учитывать его при оценке романа. (Я не хочу сказать, что вообще не существует противоречий между требованиями исторической достоверности и требованиями романа как произведения искусства.)

Ряд чернокожих критиков выступили с протестом против толкования истории Стайроном (некоторые из их статей собраны в книге «Нат Тернер Уильяма Стайрона: десять чернокожих писателей отвечают»). Один из наиболее вдумчивых и последовательных из них, Майк Телуэлл, обвиняет Стайрона в том, что он позаимствовал образ довоенного Юга из «Унесенных ветром». Он пишет, что дом первого хозяина Ната «может соперничать с Тарой по утонченности, очарованию и великодушию. Это золотой век южного рыцарства; Стайрон воссоздал миф о просвещенном великодушии «Старого Домингона» как основы рабства негров». Подобная оценка романа в высшей степени несправедлива по отношению к Стайрону, что становится очевидным при сравнении его романа с одним из первоисточников, на которые он опирался, книгой «Саутгемптонское восстание» У. С. Друри. Друри — нестигаемый расист, апологет южного рабства, называющий рабов «самым счастливым классом трудящихся в мире». Роман Стайрона, изображающий первого хозяина Ната человеком великодушным, предполагает, что это великодушие принимает форму эксперимента с другим человеческим существом, цель которого — выяснить, может ли негр воспринять образование белого человека. К тому же «Признания» заостряют внимание на некоторых пороках и жесткостях системы рабства и показывают, как эта система, вместе с современными ей экономическими обстоятельствами, приводила к тому, что рабы даже добрых хозяев могли быть проданы торговцам, заинтересованным только в прибыли. Очевидно намерение Стайрона показать, как жестокость и человечность трансформировались в этой системе, результатом чего было разнообразие отношений между рабами и хозяевами (можно сказать, что роман содержит законченную схему подобных отношений). То, что такое разнообразие существовало, что рабство не ограничивалось одними симонами дегри и замученными чернокожими, соответствует историческим данным, включающим и признания бывших рабов, Но более противоречивым, чем характер любого белого хозяина, является отношение писателя к рабам, к их неспособности поддержать в своей массе восстание Тернера. Адвокат Грей, записывающий в романе показания Ната, подчеркивает, что из тысячи потенциальных мятежников самое большее 75 человек присоединились к восстанию. Он язвит не только по этому поводу, но и по поводу случаев, когда рабы активно помогали

своим белым хозяевам задушить восстание. «...У меня нет никаких сомнений, — говорит он, — что в первую очередь твоя собственная раса обрекла восстание на поражение». В смешанной реакции Ната на эти доводы преобладает подавленное согласие с ними, и в этом выражается и позиция автора романа. Стайрон, например, заставляет Ната вспомнить его павшего друга и соратника Харка, то, как негры били его по раненому плечу. В интервью Стайрон признал, что Ната сокрушила именно роль рабов в защите их хозяев. И хотя в настоящих признаниях Ната об этом не говорится прямо, он считает, что эта мысль очевидна в подтексте. Стайрон мог находиться по этому вопросу под влиянием Друри, который придает большое значение той роли, которую сыграли негры, помогавшие белым в подавлении мятежа. Во всяком случае, Стайрон признал, что рабы, боровшиеся с мятежниками, кажутся ему «логически вероятными». С другой стороны, Герберт Аптекер провозгласил, что «фальшиво и нелогично» изображать дело так, будто бы восстание подавили рабы, вооруженные своими господами, а Генри Ирвинг Трэгл утверждает, «что нет никаких данных, позволяющих утверждать, что рабы, собранные из разных домов и поместий, организованно боролись против людей Ната, как это представляет Стайрон».

Действительно ли раб воевал против раба в восстании Тернера, представляется нам спорным, но второстепенным вопросом.

По сути дела, дискуссия разгорелась вокруг вопроса об основах сознания и характера рабов, созданных системой южного рабства. На «Признания» напали (в основном Телхуэлл) за помощь в поддержании любимого южного стереотипа, раба типа Самбо — послушного, покорного, ребячливого, зависимого от хозяина, любящего его. Но книга Стэнли Элкинса о рабстве не позволяет отвести Самбо как образ полностью иллюзорный, придуманный белыми южанами, не имеющий корней в реальности. Элкинс обнаружил поразительное отсутствие духа протеста у американских негров и вывел заключение, исходя, естественно, не из расистских предположений, но из теорий социальных психологов, что рабство действительно могло породить тип личности Самбо. Понятие белого человека о негре как зависимом ребенке вполне могло стать со временем понятием негра о самом себе, считает он. Против этой точки зрения возражают такие историки, как Аптекер и Кеннет Стэмп, которые считают, что рабы находятся в состоянии постоянного скрытого негодования. В «Особом институте» (1956) Стэмп обращает внимание на привычное, подспудное сопротивление негров проявляющееся в таких формах, как неряшливая работа или кражи. Аптекер в своем «Восстании американских негров-рабов» (1943) нацелен на то, чтобы представить историю американского рабства негров как непрерывающуюся борьбу негров против угнетения, за свое освобождение. И даже через много лет после появления своей книги он продолжал видеть в восстании Ната Тернера «кульминационный удар, завершивший период нарастающего волнения рабов». Элкинс же смотрит на него как на изолированный эпизод. О том, что Стайрон основывался на софистике Элкинса в

отношении типичности образа Самбо, говорит его оценка труда Элкинса как «блестящего анализа». Вполне понятно, что в то время, когда большинство негров стараются видеть в цвете своей кожи источник гордости, они враждебно воспримут роман, который в большей степени разделяет точку зрения Элкинса. (Их желание найти дух мятежа в рабах аналогично желанию американских евреев обнаружить признаки сопротивления у европейских евреев – узников концлагерей. Интересно отметить, что Элкинс находит черты сходства между чертами личности рабов и узников концлагерей.)

Наделение своих персонажей чертами Самбо едва ли превращает Стайрона в расиста. Он мог бы поддержать свою версию личности раба большим количеством исторических документов. Интервью с бывшими рабами содержат выражения лояльности и любви последних к бывшим хозяевам. Сам Аптекер отмечает случаи, когда заговоры негров были раскрыты благодаря предательству негров же. С другой стороны, можно возразить, что Элкинс слишком большой упор делает на отсутствие успешных восстаний негров и не принимает во внимание скрытое сопротивление, на которое указывает Стэмп, так же, как и механизмы, направленные на подавление негров. Речь идет о том, что принятое Стайроном Самбо как типа, порожденного рабством, не дискредитирует картину прошлого Юга, которую он рисует. Превалировала ли Самбо или нет, останется вопросом, по которому еще долго будут скрещивать копья историки. Но протагонист Стайрона, вместе с другими характерами негров, получившими развитие в романе, является неистовым мятежником – уж в них-то нет ничего от Самбо.

И все же есть нечто весьма обескураживающее в отношении Стайрона к Нату и неграм, что чувствует каждый читатель, абсолютно не наделенный негритянской воинственностью. Это проявляется в отношении Бата к своим соплеменникам. Стайрон сделал Ната домашним слугой (хотя подобных данных в документах нет), потому что только так он мог «объяснить тот факт, что Нат получил образование, мог читать Библию и знал ее наизусть». Именно поэтому мать воспитывает Ната в презрении к неграм, работающим на полях. «Мы – домашние негры, – говорит она, – мы высшего качества» (выделено в оригинале. – А. Х.), и он сам говорит о «самом грязном типе полевого негра, от которого разит, как от скота». Нат в романе дано осознать, как его относительно привилегированное положение сформировало его отношение к соплеменникам, но это понимание не мешает презрению и отвращению к другим неграм оставаться у него до конца и даже распространиться на домашних слуг. Наиболее выразительно он проявляет себя именно в этих чувствах. Он говорит о «по-детски громком» смехе негров, о «деревенски-грубых негритянских приветствиях», о «бешено вращающихся зрачках». Он не выносит речи негров, их «грубое тягучее произношение», «невозможно запинаящуюся речь, тяжелую, насыщенную влажными вздохами Африки». Он говорит о проданных неграх, которые, «как животные», подчинялись своей судьбе, болтали о пустяках, дремали «развесив губы, красные, влажные»... У него

вызывает отвращение дух негритянских хижин, который присутствует, несмотря на старания хозяев приучить негров к чистоплотности: «вонь пота и жира и мочи и отбросов, вонючей свинины, задницы, подмышек, тяжелого труда, соломенных тюфяков, пропахших детской рвотой». Это вызывает его отвращение к собственной принадлежности к неграм. Размышляя о том, что ему неизвестны случаи самоубийств среди негров, он приходит к выводу, что «мои чернокожие соплеменники подобны мухам, неразумным париям бога, лишенным даже воли прервать своей рукой свою бесконечную муку...». Он соглашается с утверждением адвоката Грея, что решающую роль в его поражении сыграли сами негры и что значительное число даже его последователей присоединились к восстанию под воздействием силы. Он верит, что мог бы преуспеть в своей цели — попасть в Иерусалим, «если бы не эти черномазые подонки, готовые лизать задницу белого человека» (выделено в оригинале. — А. К.). В одном из эпизодов Нат думает об избавлении негров от положения, вызывающего у него отвращение, но проявление этого импульса погребено в книге под выражениями самого отвращения. По этому поводу возникают и сливаются воедино возражения как исторического, так и литературного плана. Как же мог Нат Тернер, который был так отчужден от собственного народа, стать его вождем в восстании? (Раймонд, единственный негр, встреченный им в романе, пользующийся авторитетом и уважением, заслужил подобное отношение к себе, презрительно думает Нат, пользуясь суевериями и легковерием рабов.) Черты характера Ната, созданного Стайроном, predisполагают нас предположить, что герой замкнется в своем отвращении, не желая и не будучи в состоянии присоединиться к своим соплеменникам в достижении общей цели, и уж тем более не сумеет завоевать их доверие. (Последователи исторического Ната, согласно Друри, «постоянно говорили о доверии и вере, которыми пользовался их вождь».) Нам могут возразить, что падение Ната с высоты домашнего слуги — хозяйского любимца и осознание им вследствие этого факта, что он, в конце концов, только раб, подверженный в той же мере, как и всякий другой раб, жестокостям системы, подготавливает нас к принятию его союза с другими рабами. Но признание союза с ними, если такой может существовать, плохо сочетается с сильным отвращением к ним, сохраняющимся у героя до самого конца.

Кроме этого, достаточно спорного пункта, читатель не может не заметить, что чувственное восприятие негров Натом именно таково, каким должно быть у первоклассного расиста. Принимая во внимание уже процитированные описания, вместе с другими, встречающимися в книге, мы найдем, что рабы в его восприятии — это существа с выпученными глазами, открытыми мокрыми губами, от них воняет. Но, поспешим добавить, и с представителями белой расы, с которыми Нат входит в контакт, дело обстоит не лучше. Они кажутся ему такими же отвратительными, как и черные. Нату бросается в глаза запачканный жиром жилет и грязные, заношенные розовые перчатки адвоката Грея.

Разговаривая с Натом, он чешется, выпускает газы, сплевывает табачную жвачку. От него несет сладковатым зловонием, от которого Ната тянет к рвоте. Судья Кобб, белый человек, к которому Нат чувствует симпатию, издает звуки, подобные кваканью, икает, его лицо «бледно, как топленое свиное сало». У сына одного из хозяев Ната – «прыщи на бледной коже лица». Надсмотрщик-ирландец – обладатель лица, подобного дрожжевому тесту, лицо бродячего торговца обезображено отметинами оспы... Нат Фрэнсис, жестокий хозяин, «косит злыми свинными глазками». Его жена – «грубая скотина с физиономией, словно вытесанной из булыжника, с огромным зубом». У преподобного Аппеза, худшего хозяина Ната, шея в уродливых красных шрамах. В придачу он гомосексуалист. Гомосексуалист и Этелред Брэнтли, белый, которого Нат крестил, хотя Друри и упоминает об этом историческом прототипе как об уважаемом надсмотрщике. Важно сравнить Брэнтли Стайрона с тем его образом, который мы находим в подлинных признаниях Тернера. В них Нат говорит о том, что после того, как Брэнтли воспринял его религиозные поучения, «кожа его стала заживать на глазах, кровь показалась из пор его кожи, и после 9-дневного поста и постоянных молитв лицо его зажило». В книге Стайрона Брэнтли возникает на сцене, когда его лицо уже находится в процессе заживания: «крохотные ранки и прыщи просвечивали, как ягоды, сквозь поросль рыжих волос», и уходит из романа с лицом в том же состоянии, хотя его вечное несварение желудка и удалось обуздать. Там, где кожа подлинного Брэнтли служила демонстрацией религиозного тезиса, в книге Стайрона она превращается в еще одну характеристику персонажа, вызывающую отвращение. Физические описания персонажей романа, взятые в целом, не характеризуют мировосприятие черного или белого фанатика. В них не видны расовые предрассудки, и они нацелены на создание демократии отвратительного, при которой персонажи, как черные, так и белые, изображены одинаково отталкивающими. Можно предположить, что постоянная концентрация Ната на уродствах является в романе средством характеристики персонажа, помогающим воссоздать мировосприятие мизантропа. Но эти описания – результат мировосприятия не протагониста, а самого Стайрона. Как иначе объяснить реплику о двухмесячном младенце, у которого «багровое пятно алело как раз по центру крохотного лица, словно единственный завявший лепесток пораженной горечавки»? Или использование имени «Эшпеназ Грувер» для персонажа, который на секунду появляется в повествовании? Это последнее явление гротеска существует в романе вне психики Ната. Мир книги несет на себе печать эстетического уродства. Этот аспект романа не является результатом какого-либо исторического видения, но продолжением традиции Эрскина Колдуэлла.

Конечно, Нат в романе – не только человек, с отвращением относящийся к окружающим его людям. Конечная цель, которую преследовал Стайрон, – воссоздать его характер и объяснить, почему он действовал именно так, планируя и претворяя в жизнь

восстание. Но результат получился неубедительным.

Предполагаемая причина поведения Ната в романе заключается в том, что его первый хозяин был добр к нему и обещал освободить его в возрасте 25 лет, если Нат хорошо проявит себя в той сфере, которой он в дальнейшем посвятит свою жизнь. Но жизнь сложилась так, что хозяин Ната вынужден передать его преподобному Аппезу (гомосексуалисту) по туманному соглашению, которое должно завершиться освобождением Ната. Аппез заставляет Ната работать, подобно ломовой кляче, и в конце продает его. В конце концов Нат попадает к порядочному человеку, который уважает в нем прекрасного работника и ведет себя «как идеальный хозяин, о котором любой раб может только мечтать». Именно при этом хозяине Нат разрабатывает план своего восстания (хотя замысел этот возник у него раньше.) Он сам задает себе вопрос: «Не является ли безнадежным парадоксом тот факт, что чем меньше мне приходилось трудиться, тем больше я мечтал освободиться от рабства? Что чем терпимее и человечнее были со мной белые, тем более мне хотелось уничтожить их?» Ранее в книге он приходит к следующему выводу: «Я скажу то, без чего вы не можете понять плазменное безумие существования негра: бейте негра, морите его голодом, оставьте его валяться в собственной грязи, и он уйдет до конца своих дней. Слепите его неожиданным благодеянием, поманите его надеждой, и у него возникнет желание перерезать вам плотку». Давайте сравним мысли Ната Тернера о надежде с высказыванием, которое, возможно, послужило их источником. Фредерик Дуглас писал:

«Бейте своего раба, наденьте на него кандалы, морите его голодом, не оставляйте у него надежды, и он последует за своим хозяином на цепи, как собака; но кормите и одевайте его хорошо, не заставляйте его надрываться на работе, окружите его физическим комфортом — и у него возникнут мечты о свободе. Дайте ему плохого хозяина, и он захочет хорошего хозяина, дайте ему хорошего хозяина, и он захочет стать хозяином самому себе».

Центральный пункт романа — явно разработка мысли Дугласа; Стайрон говорит о насилии, в то время как Дуглас говорил о свободе и независимости. Стайрон сделал следующее: взял на вооружение часто повторяемое сегодня объяснение негритянских волнений (оно — результат возмущения лучшими условиями жизни, в которых оказывается белый человек), усилил его и перенес в прошлое. В своем интервью он подчеркнул, что Нату обещали свободу, а потом отказали в ней: «Зерна мятежа — в обещании. В этом — существо того, что сейчас происходит: именно дух величия, его кажущаяся возможность является причиной ненависти и апокалиптических актов». Но все же существует огромная пропасть между проявлениями враждебности черных сегодня и желанием Тернера перерезать все белые плотки в массе. Стайроновское объяснение поведения Ната натянуто, скорее навязывает нечто истории, а не вытекает из нее, и слишком легко связывается с кивком на извращенность человеческой

натуры: доброта рождает желание убивать. (Противоположное объяснение может быть применено к тем последователям Ната, о которых выше уже шла речь.)

Еще одно «объяснение» поведения Ната, которое можно извлечь из книги, лежит в психосексуальной сфере. Стайрон утверждает, что Натом руководили «традиционные импульсы революционера: пуританские, направленные на подавление сексуальности и ее сублимацию». Он указывает также на противоречие между «пуританскими религиозными чувствами, определяющими его жизнь, и сильными физическими желаниями». Стайрон, не очень убедительно, показывает, как статус домашнего слуги становится барьером между Натом и той свободной сексуальной жизнью, которой могли наслаждаться молодые люди, работавшие в полях. В течение всего романа сексуальная жизнь Ната сводится к мастурбации – он не знает женщины, хотя и испытывает сильнейшее желание. Стайрон заставляет героя подумать о том, что, когда восстание завершится, ему придется жениться – очевидно, из желания подчеркнуть связь между восстанием и его неудовлетворенной сексуальностью. Стайрон решительно не признает возможности того, что реальный Нат Тернер был женат (на чем настаивает Друри), ссылаясь на то, что в исторических документах этот факт нигде не фигурирует и что, во всяком случае, «брак в условиях рабства был просто пародией». По иронии судьбы, именно к этому утверждению апеллирует хозяин Харка, когда продает его жену и детей. К тому же изображение сексуальности Ната в романе создает не совсем ясную картину. Почему, например, он во время мастурбаций вызывает образы белых девушек, если, как он говорит нам, они в его восприятии «парили в безупречной лучезарности чистоты и совершенства»? И как его религиозные чувства действуют как подавляющая его желания сила?

Вопрос сексуальности Ната связан с его взаимоотношениями с Маргарет Уайтхед, которые представляют наиболее важный элемент романа. Согласно подлинным признаниям, Маргарет была единственным человеком, которого Нат убил сам, хотя он организовал убийства других. Стайрон находился под впечатлением этого факта, который и составил ядро его «размышлений об истории». Он заключил, что между ними существовали отношения, основанные на любви-ненависти, имея в виду, что, судя по роману, Нат любил и ненавидел, а Маргарет испытывала бессознательную любовь к нему. Элемент извращенности проглядывает в отношении Ната к Маргарет так же, как и в его отклике на доброту хозяина. Он явно ненавидит ее за то, что она не равнодушна к нему, а также за то, что она, не зная того, возбуждает его. Но Стайрон не останавливается на этом, он делает взаимоотношения Ната и Маргарет центром критического развития протагониста, центром развития религиозной драмы. Коротко говоря, Нат, планирующий и приводящий в исполнение свой кровавый мятеж, подан как воплощение духа Ветхого Завета, несущего суровую кару и непощение. Он ощущает себя «разящим орудием божьего гнева», выжигающим греховную белую расу. Эта

уверенность не покидает его на протяжении большей части книги (он несколько раз сравнивает себя и других рабов с персонажами и ситуациями из Ветхого Завета). Этой концепции противостоит дух любви, принадлежащий Новому Завету, той любви, которую он питает к Маргарет и она – к нему и которую он видит в ней, прежде чем убивает ее. Именно признание этого духа является, по словам Стайрона, откровением для него. Вот оно, последнее послание Библии. Не старое, не «убивайте женщин и детей, но именно это, другое послание, и в этом его спасение». После убийства Маргарет Нат позволяет бежать девочке, которая подняла тревогу, что в конечном итоге повлекло за собой подавление восстания. Он размышляет о том, не искупит ли эта спасенная им жизнь другую жизнь, отнятую им.

Развитие характера Ната в романе превосходит все, что имеется в исторических документах (хотя Стайрон и настаивает на том, что он нашел в документальных источниках сведения о том, что восстание пошло на убыль после убийства Маргарет). Наоборот, Стайрон противоречит документам, заставляя Ната в последний момент раскаяться в своем поступке и признать дух любви, воплощенный в Маргарет. Новый Завет служил историческому Нату скорее основанием для самооправдания, чем для перемен. Согласно адвокату Грей, записывавшему его признания, на вопрос, не раскаивается ли он в организации восстания, Нат ответил: «Разве Христа не распяли?» Грей пишет о спокойствии и сосредоточенности, с которыми он говорил о своих преступлениях и намерениях, о выражении его дьявольского лица, преобразенного энтузиазмом, носящим следы крови беспомощной невинности; в ломотьях, закованный в кандалы, он осмеливался воздевать свои цепью руки к небу как выражение нечеловеческого духа».

Стайрон пошел не только против исторического документа (который, с большой натяжкой, можно посчитать не заслуживающим доверия), но и против замысла своей собственной книги. Потому что Маргарет, такая, какой мы ее видим, не более чем собрание клише, безнадежно глупа и неестественна в своих девичьих порывах и религиозности (сцена ее смерти заставила одного критика плакать – непонятно, почему). Нат описывает ее как «помешанную на любви, на Боге, лепечущую все те пошлости, которые можно услышать от любого набожного каплуна и благочестивой старой девы и которых она наслушалась с тех пор, как научилась сидеть». Обрисовав ее таким образом, Стайрон требует слишком многого от нас, заставляя принять Маргарет за воплощение божественной любви и причину раскаяния Ната. В книге предложен счастливый (в духовном отношении) конец, который явно натянут. Религиозный аспект книги недостаточно проработан. Подобно Нату настоящих признаний, протагонист Стайрона вообразил себя ветхозаветным пророком. Но развитие его в этом направлении в романе прослежено довольно слабо. Как Нат переходит от чувства постоянного присутствия Бога в его жизни к ощущению его как силы, превращающей его в инструмент священного гнева? Затем, каково значение белоснежного храма, постоянно возникающего в

видениях Ната? Он возникает как нарост в романе, а так как Нат наделяет его «глубокой тайной», является попыткой придать повествованию подобие глубины. Кроме того, религиозная тема в романе прорисовывается довольно смутно. Является ли раскаяние Ната через дух любви Нового Завета, исходящий от Маргарет, не только его «ответом», но и «ответом» книги, как утверждает Стайрон? Разве две цитаты в конце романа предполагают подобное прочтение книги? Первая представляет ужасный отрывок из Друри, повествующий о том, как с трупа Ната содрали кожу и сделали из нее кошелек, вторая – абзац из Библии, в котором Бог говорит: «Тот, который пройдет через все, унаследует мир, я стану его Богом, а он – моим сыном». Противопоставление этих двух цитат создает сильный иронический эффект, но не дает ответа на вопрос, особенно если принять во внимание страшную цену человеческих жизней, отнятых восстанием, которым в романе противопоставлено только торжество этой соломенной куклы, Маргарет. И, главное, остается основной вопрос – какова стайроновская концепция Ната Тернера, его импульсов и мотивов? В одном и том же интервью Стайрон сказал, что «отношения Ната с Богом являются основными для понимания его сущности» и что «очевидно, что религиозный фанатизм скрывает более глубокую причину». Какую? Его подавленную сексуальность? Роман Стайрона основан, с одной стороны, на религиозных чувствах героя, на трактовке его восстания в религиозных терминах, а с другой – на сведении его поведения к психосексуальному содержанию, что сводит на нет религиозную мотивировку его поступков. Книга стремится проникнуть внутрь религиозного сознания Ната и в то же время запечатлеть его объективно, со стороны. Эти два импульса разрывают роман на части.

Стремление Стайрона проникнуть в сознание Ната, увидеть мир его глазами очевидно в повествовательной форме романа. По этому поводу Стайрон писал:

«Я думаю, что одна из важнейших тайн романиста заключается в том, что выбираешь самый трудный путь, чтобы обеспечить решение проблем. В моем случае я понимал, что самое большое препятствие, которое я должен буду преодолеть, это рассказ о событиях от лица Ната – повествование от первого лица, которое бы позволило реконструировать сознание негра начала XIX столетия».

Стайрон считает, что преуспел в решении этой задачи. Но разве это так? Разве он, вместе с некоторыми критиками романа, не ставит знак равенства между простым использованием монологической формы и достижением убедительного тона повествования? Говоря о стиле книги, Стайрон заявил, что он рассказывает историю «в своем собственном литературном стиле». Но если это так, действительно ли Стайрон выбрал наиболее трудный путь и воссоздал мир таким, каким его мог увидеть только негр-раб? И дело не только в том, что Стайрону не следовало наделять Ната таким богатым словарем, владеть которым никак не мог даже грамотный негр той эпохи. Главное заключается в том, что, как правильно отметили Стэнли Кауфман

и Ричард Гилмен, Стайрону не следовало допускать, чтобы Нат говорил голосом романиста, а не человека, которым он был — раба, негра, религиозного фанатика. Ему следовало дать стиль речи, который характеризовал бы его, а не был бы принадлежностью автора и который бы вобрал в себя тривиальности и обороты разговорной речи эпохи, чего не в состоянии сделать современный стиль. Роман в том виде, в каком он издан, является любопытным повторением истории. Версия настоящих признаний Ната Тернера, записанная Т. Р. Греем, по стилю скорее принадлежит Грею, чем Тернеру. Повествовательный стиль Стайрона принадлежит ему, а не его герою. Можно было бы простить этот недостаток автору, если бы его проза обладала большими достоинствами, но книга представляет собой только редко встречающиеся примеры запоминающихся выражений.

В «Моби Дике» Ишмаэль провозглашает, что для того, чтобы создать сильную книгу, нужно найти значительную тему. У Стайрона хватило честолюбия выбрать значительную тему, но он не создал книгу под стать теме. Хотя он и сумел воссоздать место действия, он не справился со своей главной задачей — создание характера, который мог бы быть принят нами как вероятный или хотя бы возможный Нат Тернер. Книга бродит наугад среди личных, социальных, религиозных вопросов, пытается найти реальность, в которой бы обитал Тернер. Книга навязывает настоящее — прошлому, личностные черты автора — герою, вместо того чтобы стремиться к воссозданию духа, личности протагониста, человека другой эпохи. И потому она никуда не годится ни как историческое сочинение, ни как художественное произведение.

ПЕРЕВОД Т. КОМАРОВСКОЙ

12 «Всемирная литература» № 1